

«ПОЭМА О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Татьяна Игоревна Радомская –

доктор филологических наук, профессор,
Институт славянской культуры,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина.
Хибинский проезд, 6, Москва, Россия, 129125.
radomtatic@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются особенности исторического реализма Марины Цветаевой (1892–1941), основанного на ее духовном видении будущего, прослеживается история создания «Поэмы о Царской Семье», относящаяся к московскому периоду творчества поэта 1910-х — 1920-х гг., определяются документальные источники поэмы, в связи с чем публикуются фрагменты из записных книжек М. Цветаевой и писем императрицы Александры Федоровны и А.А. Вырубовой, анализируется поэтика поэмы, близкая к некоторым особенностям проповеди св. Димитрия Ростовского. На основе анализа текста и контекста произведения выявляется общность отношения к народу между императрицей Александрой Федоровной и Мариной Цветаевой, основанная на любви-сострадании, показывается, что Цветаева одна из первых увидела в страданиях царской семьи духовные основы хриstopодражательной жертвы за народ.

Ключевые слова

Исторический реализм, творчество М. Цветаевой, русская история, поэтика проповеди, документальные материалы.

“POEM ABOUT TSAR FAMILY” IN MARINA TSVETAEVA’S WORKS AND LIFE

Tatiana I. Radomskaia –

Doctor of Sciences, Professor,
Institute of Slavic Culture,
Kosygin Russian State University.
Khibinsky Proezd 6, Moscow, Russia, 129125.
radomtatic@gmail.com

Abstract

The article examines peculiar features of historic realism in the work of Marina Tsvetaeva, based on her prophetic vision of Russian history. The article deals with the history of one of Tsvetaeva’s works — the “Poem about Tsar Family” (1917–1920): the author investigates the documentary materials, which were important for Tsvetaeva, such as episodes from Tsvetaeva’s diary and published letters of Empress Alexandra Fedorovna. The article presents an analysis of the poetics of the poem, which sometimes is similar to the poetics of sermons by famous Russian bishop of the seventeenth century — Dimitry of Rostov. The author of the article argues that Marina Tsvetaeva was one of the first to describe the life and death of the Tsar family as a sacrifice for the Russian people.

Keywords

Historic realism, Marina Tsvetaeva’s work, Russian history, poetics of sermon, documentary materials.

«**Б**ывают странные сближения» — эти простые и одновременно многозначные пушкинские слова удивительным образом стали отвечать многим явлениям русской жизни XIX–XXI вв. В 2018 г. — 100-летие гибели царской семьи, в прошлом 2017 г. — 125-летие со дня рождения Марины Цветаевой, поэта, откликнувшегося на это событие сразу, и поэтически, и человечески осмыслявшего его до конца своей жизни. Всем известна подчеркнутая аполитичность Цветаевой, породившая определенный социокультурный стереотип восприятия ее творчества. Но в этой статье нам хотелось бы остановиться на том, что противоположно расхожей мифологеме «надмирности», «вне-временности» Цветаевой, — на ее особом чувстве истории. События русской, а шире — славянской, а еще шире — христианской истории первой трети ушедшего столетия, — сделали Цветаеву, по ее же словам, летописцем своего времени. «Белый поход, ты нашел своего летописца», — пишет она в «Лебедином стане»¹.

Первая мировая война, революция, Гражданская война и все вытекающие отсюда события потрясли многих. И многие писали об этом в самых разных аспектах: политическом, философском, экономическом... Многие, как и Цветаева, откликнулись сразу. Но примерно с 1916 г. в цикле «Стихов о Москве» она проявила особое чувство истории и соответственно особый тип реализма, который в современном литературоведении получил разные определения. В частности, одна из его особенностей — духовно-провидческое видение будущего в очень конкретных земных реалиях.

В этом смысле «Стихи о Москве», как отмечала сама Цветаева, были пророческими. «Перечтите их и не забудьте даты», — пишет она в письме к критику и книговеду Ю. Иваску². Действительно, в «Стихах о Москве» поэтом во всех деталях показаны те места, которые будут разрушены. Как бы предчувствуя это, она для себя и для будущего запечатлевает: Иверскую часовню, старый Кремль, который еще не подвергся обстрелу (в октябре 1917 г.), Спасскую башню с иконой Спаса Нерукотворного, перед которой «шапка православного снята»³, церковь Благовещенья в Кремле в Тайницком саду с иконой Нечаянной Радости — всё то, что очень скоро будет разрушено, и то, что при этом составляло сердце народной жизни. С предельной точностью, в конкретных и одновременно глубоко символических деталях она запечатлевает облик прежней, в 1916 г. еще настоящей для нее Москвы.

Тема царя и царской семьи входит в жизнь Цветаевой изначально через личное общение ее отца Ивана Владимировича Цветаева с Николаем II на открытии Музея изящных искусств, что позже, в 1933 г., Цветаева отразит в очерке «Открытие Музея».

¹ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта / Авт.- сост. Т.И. Радомская. М.: Совпадение, 2005. С. 42.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 10.

В Москве 1918 г. она не побоялась проявить свое отношение к расстрелу царской семьи. Приведем фрагмент из книги цветаеоведа И. Кудровой «Жизнь Марины Цветаевой»: «Июльским днем того же года мать с дочерью стояли на какой-то площади под морозящим дождем, когда вдруг услышали петушиный крик мальчишки-газетчика: — Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!» «Смотрю на людей (...) тоже (то же! — *Т. Р.*) слышащих, — записывает Марина вечером в дневнике. — Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, поглядывают мельком, снова отводят глаза — куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают. Тогда я Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает): “Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души!”. И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест»⁴.

Гибель царской семьи потрясает и не потрясает современников. Многие молчат, кто-то пронзен болью, кто-то, как и в определенные моменты своей жизни — в 1917 г. — Цветаева, винит царя в отречении, точнее, почти никто не понял этого духовного решения последнего Императора. Спустя десятилетия, в 1951 г. в Париже, П.С. Лопухин скажет об этом так: «Когда (...) спрашиваешь себя (...) как мог государь оставить свое царское служение, то мы решаемся ответить, что причина отречения в том, что этой благословенной самодержавной власти люди перестали хотеть. Понимание, желание, любовь к «Царскому служению» — стали в России блекнуть (...) Когда в народе гаснут желания христианского государства и среды, православная монархия теряет и предпосылку, и цель своего бытия, ибо никого нельзя насильственно сделать христианином. Царю нужны христиане, а не дрожащие рабы»⁵.

Еще в России Цветаева по горячим следам начинает собирать свидетельства, воспоминания о членах царской семьи, в частности, о царевиче Алексии. Так, на станции Усмань, во время поездки для добывания продуктов в сентябре 1918 г., она записывает рассказ молодого парня: «Стенька Разин: четыре Георгия, спас знамя» — “Что Вы чувствовали, когда спасали знамя?” — “Ничего не чувствовал! Есть знамя — есть полк, нет знамени — нет полка!” (...) Служил в полку Наследника. Выходит он из вагона: худенький, хорошенький, и жалобным таким голоском: — “А куда мне сейчас можно будет пойти!” — “Вас автомобиль ждет, Ваше Высочество!” Многие солдаты плакали»⁶.

⁴ Кудрова И. Жизнь Марины Цветаевой. Документальное повествование. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 189–190.

⁵ Лопухин П.С. Царь и Патриарх. (Речь в день памяти Государя Николая II в Париже в 1951 г.) // Православный путь. Джорданвилль, 1951. С. 103.

⁶ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 111.

В ноябре 1918 г. Цветаева делает стихотворные наброски под названием «Дело Царского Сына...»

*Дело Царского Сына —
Быть великим и добрым*

.....

*Чтить голодные ребра,
Вить с последней солдаткой,
Пить с последним бродягой,
Спать...
В сапогах и при шпаге.*

*А еще ему дело:
Встать в полночную пору,
Прочь с дороженьки белой —
Ввысь на вышнюю гору...*

*Над пучиной согнуться,
Бросить что-то в пучину...
— Никогда не вернуться —
Дело Царского Сына!*

9 ноября 1918 г.⁷

Этот набросок завершает авторская датировка, показывающая, насколько важно для Цветаевой документально точно свидетельствовать о «деле Царского Сына».

Мотивы, образы этого стихотворного фрагмента лягут в основу темы христоподражательной жертвы царской семьи за свой народ в дошедшей до нас лишь в отрывках неоконченной Цветаевой «Поэме о Царской Семье». Обратимся к одному из наиболее завершенных ею мест «Обитель на горе...». Здесь опять возникает постоянный для Цветаевой образ Горы — места вышней точки на земле, соединившей небо и землю. Этот топос связывается в сознании поэта также с евангельской темой первых и последних. В выси, на горе государыня пишет на бересте молитву, которая становится добровольной жертвой за Россию, о чем говорится прямо:

*А если мало — плену,
А если много — тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: Сына*

*Под кончиком пера
Коробится кора...*

⁷ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 111.

*Стояла та Россия —
Обрыва на краю.
— И если скажешь — Сына... —
За всё благодарю.*

*Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках — верней гранита⁸.*

Тема добровольной жертвы — любви — не только называется поэтом непосредственно, но и развивается самой поэтикой данного фрагмента. Факт написания молитвы Александрой Фёдоровной на бересте имеют свою особую символичность, связанную с реальностью.

В одном из писем к А.А. Вырубовой, бывшей фрейлине императрицы, человека, близкого ей по духовным устремлениям, она сообщает о том, что пытается на коре бересты по-церковнославянски написать молитву Господу. Цветаева, работая над поэмой, тщательно изучает дошедшие документальные источники, и, в частности, письма Александры Фёдоровны, уже опубликованные к тому времени в Париже.

Образ бересты не случаен не только из-за его непосредственной связи с фактами биографии царской семьи. Ассоциативно он связывается с темой огня — береста хорошо горит, а огонь, в свою очередь, «выстраивает» следующий ассоциативный ряд: жертва, любовь. Царица пишет на бересте молитву, предназначенную огню. Этот сюжет «Обители на горе...», наделенный глубокой символичностью, обозначает хриstopодражательную жертву царской семьи «за каждого злобивца — // и всё-таки любимца...», как пишет Цветаева⁹.

Так поэт через центральный образ-символ разворачивает перед нами целую «лествицу смыслов»¹⁰, что характерно для построения русской проповеди. В.П. Зубов в своей работе «Русские проповедники», написанной им еще в 1920-е годы, размышлял над особенностями мистического созерцания и сознания св. Димитрия Ростовского, отразившимися в поэтике его проповедей. Ученый обратил свое внимание на проповедь, в основу которой положен текст Евангелия: «Возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, всем сердцем твоим и всем помышлением твоим». Как отмечает В.П. Зубов, проповедь начинается с отождествления любви и огня... «Завязкой проповеди становится поиск дров для этого небесного огня»¹¹.

⁸ Марина Цветаева: «Берегите Гнездо и Дом...». Страницы русского лихолетья в творчестве поэта. С. 59.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Зубов В.П. Русские проповедники. М.: Индрик, 2001. С. 24.

¹¹ Там же.

В «Обители на горе...» эта тема становится центральной. Государыня нашла для своей пламенной молитвы материал для растопки — бересту. И само стихотворение посвящено уже результату «растопки». Так же, как и в проповеди св. Дмитрия Ростовского, Цветаева, выстраивая «лестницу смыслов», использует ряд «сложных ассоциативных, внешне случайных, внутренне детерминированных переходов»¹² от одного образа к другому; изначальный образ-символ самостоятельно развивает ряд развернутых образов — любви, огня, горения, огненной жертвы, летящей вверх, к Богу, Вечности. Молитва, сгорая, летит вверх, и ее жертвенный огонь становится гранитом, переживающим века.

Если в 1918 г. «Дело Царского Сына...» кончается строками: «— Никогда не вернуться — Дело Царского Сына!», то в «Обители на горе...» Цветаевой выделен другой аспект в теме царской жертвы. По-земному, конечно, никогда не вернуться, если добровольно отдаешь себя в жертву пучине, но такая жертва может стать гранитом для возможного спасения народа.

Так, через реальный факт — молитву на бересте, писанную государыней в заточении, — Цветаева духовно увидела, именно увидела, а не выдумала заложенную в этом факте Творцом и раскрывшуюся поэту «лестницу смыслов» русской истории.

Не только факты личной биографии и общих исторических потрясений создали особое поле притяжения Цветаевой-поэта и Цветаевой-человека к теме царской семьи. Особенности душевного и духовного строя ее личности в период разрушения человеческих жизней прежних традиций, памяти, государства — всё это, наряду с гневом, неприятием, породило у Цветаевой и совсем другое. Чувствуя, что в общем революционном хаосе человек разрушается не только извне, но и изнутри, она задает сама себе вопрос: «Как любить в землетрясение?» Обращаясь к дневниковым записям 1919 г., мы видим, как из разрушения, опустошения постепенно вызревает и другое. Так, 14 марта 1919 г. Цветаева пишет: «Я потеряла руль. Одна волна смывает другую... Хаос. Один образ вытесняет другой, случайность рифмы заводит меня на 1000 верст от того, что я хотела раньше, — уже другие стихи, — и в итоге — чистый лист и мои закрытые — от всего! — глаза»¹³.

А чуть раньше, в октябре 1918 г., Марина пишет: «Революция — землетрясение. (Банально, да?) — Спасайся, кто может, гибни — кто хочет. Попробуйте любить во время землетрясения!»¹⁴. Попытка такой любви была запечатлена Цветаевой в некоторых стихотворениях того времени. Уже в 1918 г. в цикле «Лебединый стан» она пишет стихотворение «Царь и Бог! Простите малым — (...)». В нем поэт уже в «1-ю годовщину Октября»,

¹² *Зубов В.П.* Русские проповедники. С. 24.

¹³ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: в 2-х т. Т. 1.: 1913–1919. / Подгот. текста, предисл. и примеч. *Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой.* М.: Эллис Лак, 2000. С. 279.

¹⁴ Там же. С. 303.

как следует из примечания самой Цветаевой к этому стихотворению, видит народ, участвующий в революционном хаосе, обманутым и обольщенным.

В 1920 г. в том же цикле эта тема продолжает свое развитие. В стихотворении «Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!...» разделение на врагов, на «красных» и «белых», на «право» и «лево» упразднено общей смертью и страданием:

*Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила*¹⁵.

Такое восприятие междоусобной розни возникает через материнское отношение: рефреном, побеждающим зло, звучит прощальный крик убиенных: «Мама!».

*И справа, и слева
И сзади, и прямо
И красный, и белый:
— Мама!
Без воли — без гнева —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама!*¹⁶

В то время, в «красной» Москве, Цветаева, конечно, не читала писем императрицы Александры Фёдоровны из заточения, но именно тогда она пишет А.А. Вырубовой от 13 (26) марта 1918 г.: «Боже! Как я свою Родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше. Верь народу, душа, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили, — тьма и анархия царствует, но грянет Царь славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ»¹⁷.

Гораздо позже, уже в Париже, Цветаева, работая над «Поэмой о Царской Семье», обратится непосредственно к этому письму, которое станет одним из источников стихотворного отрывка «Вот — двое. В могучих руках — караваи...». Чувство жалости к заблудшим и шире — сострадание — очень русское и православное отношение. Очень по-русски и по-матерински «германская принцесса» жалеет свой народ. Это созвучно и близко Цветаевой. Ей надо «любить в землетрясение», и эти уроки любви открываются для нее в последние месяцы земной жизни царской семьи.

¹⁵ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2-х т. Т. 1.: 1913–1919. С. 43.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письма святых царственных мучеников из заточения. СПб.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. С. 272.

Литература

1. *Кудрова И.* Жизнь Марины Цветаевой. Документальное повествование. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002.
2. *Лопухин П.С.* Царь и Патриарх. (Речь в день памяти Государя Николая II в Париже в 1951 г.) // Православный путь. Джорданвиль, 1951.
3. *Зубов В.П.* Русские проповедники. М.: Индрик, 2001.

References

1. Kudrova, I., 2002. *Žizn' Mariny Cvetaevoj. Dokumental'noe povestvovanie* [The life of Marina Tsvetaeva. Documental texts]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo žurnala "Zvezda".
2. Lopuhin, P.S., 1951. Car' i Patriarh. (Reč' v den' pamati Gosudara Nikolaa II v Pariže v 1951 g.) [Tsar and patriarch]. In: *Pravoslavnyj put'*. [The orthodox way]. Džordanvil'.
3. Zubov, V.P., 2001. *Russkie propovedniki*. [Russian Preachers]. Moscow: Indrik.